

Тот голос говорил, направляя воспоминания Чэнь Хэ о современном мире: хвастливые, но добрые коллеги, друзья, тащившие его играть в игры до рассвета, рыдавшие в три ручья при расставании, родители, готовившие суп с рёбрышками в ожидании его возвращения домой...

Всё казалось таким близким, столько прекрасных воспоминаний — по сравнению с миром культивации, они определённо стоили того, чтобы за них держаться.

Но что ещё говорил этот голос? Этого мало? Существует мир ещё прекраснее?

Чэнь Хэ впал в прострацию:

— Ещё более прекрасный мир? Где он?

Он не заметил, что снова обрёл способность говорить, и, следуя указаниям голоса, медленно покинул красный кокон.

— В...от здесь!

Со звонким щелчком защёлкнулись четыре угла, и лишь тогда Чэнь Хэ обнаружил, что его заперли в клетке.

Клетке, парящей в чисто белом мире, внутри которой стоял один лишь Чэнь Хэ.

[Авторская заметка: Строительство завершено.]

Ни звука, ни изображения.

Время здесь, казалось, замерло.

Чэнь Хэ в растерянности стоял в клетке, инстинктивно протянул руку, чтобы прикоснуться к серо-стальным прутьям, и лишь тогда понял, что снова принял человеческий облик.

Он опустил голову и увидел на себе белую рубашку и чёрные брюки. На подоле рубашки было пятно от чернил, которое он оставил в последний миг перед потерей сознания, нечаянно задев рукой.

Он вернулся к своему прежнему облику.

Чэнь Хэ поднял голову и в отражении на прутьях разглядел себя целиком, а также увидел простирающийся до горизонта чисто белый мир.

Ни единого пятнышка, ни единого звука.

— Здесь кто-нибудь есть? — невольно спросил Чэнь Хэ.

Никто ему не ответил. Кроме него, здесь не было никого, лишь эта серая клетка, в которую его заперли.

— Неужели я и вправду буду заперт здесь на всю жизнь? — словно сам с собой поинтересовался Чэнь Хэ.

Чисто белый мир по-прежнему не давал ни малейшего ответа.

Чэнь Хэ отступил на два шага, прислонился к прутьям и поднял голову, глядя на белый мир перед собой, словно существующий в ином пространстве.

Время текло секунда за секундой.

Минута, час, десять часов, день...

Вероятно, это тело не было настоящим, поэтому Чэнь Хэ не чувствовал ни голода, ни усталости. Но одному было слишком скучно, и он сменил позу, прислонившись к стене.

Мир перед глазами по-прежнему не менялся.

Прошло ещё два дня. Чэнь Хэ сидел, прислонившись к серо-стальным прутьям, слегка согнув колени, положив на них руки и опустив голову, так что нельзя было разобрать его эмоции.

День за днём время здесь потеряло смысл. Всё, что видел глаз, — лишь белый мир и огромная серая клетка.

Чэнь Хэ всё так же сидел, опустив голову, словно потеряв сознание, но при внимательном взгляде можно было заметить, как его пальцы отбивают незатейливый ритм.

Месяц, два? Или год, два? Десять лет, сто лет?

Короче говоря, когда серые глаза снова устремили свой взгляд сюда, они ожидали увидеть человека, давно сошедшего с ума или потерявшего рассудок.

Но вместо этого Чэнь Хэ поднял голову, его спокойный взгляд встретился с ними, а ясность в его зрачках заставила даже серые глаза испытать шок и изумление.

— Ты... не сошёл с ума?

Прошло уже сто лет. Сто лет — даже для обладающих долгой жизнью культиваторов, в таком беззвучном и безвидном мире, давно должны были свести с ума.

Чэнь Хэ посмотрел на него, в глазах мелькнуло недоумение:

— А зачем мне сходить с ума?

Серые глаза, наблюдая за спокойным и невозмутимым Чэнь Хэ, постепенно отразили испуг и, потеряв самообладание, произнесли:

— Ты...

— Ахэ!

Крайне хриплый голос нарушил покой, ворвавшись в этот мир, где были лишь серые глаза и

Чэнь Хэ.

Мужчина в деревянной маске внезапно появился за пределами клетки. Его глаза были кроваво-красного цвета, пугающе яркие, словно пропитанные кровью.

Увидев в небе те серые глаза, мужчина поднял руку. Из его ладони начали сочиться красные, словно паутина, нити, парящие в воздухе, подобно щупальцам, выглядя крайне зловеще.

Он не произнёс ни слова. Кольцо Драконьей Чешуи в его руке вновь превратилось в двух драконов, взмывших в полнеба, где, окрашенные красной паутиной, их золотые зрчки мгновенно стали кроваво-красными и свирепыми.

— Ты посмел...

Серые глаза не успели договорить, как каждый из магических драконов схватил по главному яблоку и принялся с громким хрустом их жевать.

Цзи Ханьсюэ слушал звуки перемалывания костей и плоти, в его кровавых глазах не было ни капли эмоций.

Лишь когда взгляд упал на человека, сидящего в углу, он словно внезапно очнулся, поспешно протянув руку, чтобы вернуть выглядевших крайне зловеще двух красных драконов.

Он посмотрел на сидящего на земле, прислонившегося к прутьям юношу, его зрчки на мгновение сузились. Медленно подойдя к клетке, он протянул руку, коснулся юноши внутри и тихо сказал:

— Ахэ, не бойся, я выведу тебя отсюда.

Юноша в клетке ошеломлённо смотрел на него.

В сердце Цзи Ханьсюэ кольнула боль. Его пальцы замерли на мгновение, а голос, полный крайнего напряжения, стал сухим и хриплым:

— Прости... Я опоздал...

По сравнению с прошлым разом, он изо всех сил старался прийти быстрее.

И всё же он снова оставил Ахэ одного здесь на сто лет!

Сто лет...

Цзи Ханьсюэ не смел даже представить, насколько нынешний Ахэ ещё сохранил рассудок!

Помнит ли он его? Помнит ли, как его зовут? Или... учитывая его психическое состояние после столетия в клетке, можно ли вообще говорить о сохранности рассудка?

При этой мысли пальцы Цзи Ханьсюэ неудержимо задрожали.

Он не хотел пугать Чэнь Хэ, уже собирался убрать руку, но та была накрыта другой рукой.

— Ты чего трясешься? — спросил его Ахэ.

Цзи Ханьсюэ сначала остолбенел, затем в его глазах вспыхнула безумная радость, и он взволнованно произнёс:

— Ахэ! Ты меня помнишь?

— А почему я должен тебя забыть? — Чэнь Хэ с недоумением спросил его, глядя на него как на полного идиота.

Дыхание Цзи Ханьсюэ участилось, но вскоре в нём вновь закралось сомнение:

— Ахэ... ты... не чувствуешь ничего странного?

— Что странного? — парировал Чэнь Хэ.

Цзи Ханьсюэ приоткрыл рот. Глядя на Ахэ, который за сто лет не изменился ни на йоту, в душе возникло огромное недоумение, но он всё же отбросил его и твёрдо сказал:

— Неважно. Я выведу тебя отсюда.

Чэнь Хэ с любопытством смотрел, как тот с помощью странных красных нитей на своём теле опутывает прутья, с силой раздвигая серо-стальные ограждения и образуя щель, а затем протягивает ему руку.

— Что это за нити? Выглядят как щупальца...

Чэнь Хэ взял его руку, осторожно погладил парящие в воздухе красные нити.

— Секретный метод клана Демонов, не стоит внимания.

Кратко ответив, Цзи Ханьсюэ подхватил Чэнь Хэ и полетел к горизонту, словно зная, где находится выход.

Чэнь Хэ, устроившись у него на руках, посмотрел на маску, которую Цзи Ханьсюэ не снимал с момента появления, и спросил:

— Почему ты носишь маску? Чтобы скрыть те магические узоры?

Цзи Ханьсюэ сделал паузу и тихо ответил:

— Угу.

— Дай посмотреть!

Сказав это, Чэнь Хэ мимоходом снял маску Цзи Ханьсюэ. Он действовал так быстро, что Цзи Ханьсюэ даже не успел среагировать.

— Не надо...

Цзи Ханьсюэ, запоздало вскрикнув, уже ничего не мог поделать — маска была полностью снята, обнажив его лицо, покрытое выпуклыми магическими узорами, а боковая часть была разорвана в кровавое месиво.

— Это... небольшой побочный эффект от техники. — тихо объяснил Цзи Ханьсюэ и, увидев, что Чэнь Хэ всё ещё в шоке, поспешно выхватил маску обратно, снова надев её на лицо. — Страшно выглядит, не смотри.

— Как так получилось? — Чэнь Хэ не стал настаивать на снятии маски, и его тон, казалось, не особо изменился по сравнению с предыдущим.

Цзи Ханьсюэ с того момента, как маска была снята, всё время нервничал. Увидев, что отношение Чэнь Хэ такое же, как и раньше, он слегка выдохнул.

Он боялся, что котёнок его отвергнет.

— Магические узоры вышли из-под контроля, разорвали кожу. К счастью, задело только щёки, на остальное не повлияло.

Цзи Ханьсюэ объяснил. Судя по внешнему виду, действительно пострадали только щёки, другие части пока не тронуты.

— Не восстановится? — спросил Чэнь Хэ.

— ...Сложно. — тихо ответил Цзи Ханьсюэ.

Пока на нём есть магические узоры и ему нужна их сила, это место всегда будет занято узорами, рана будет существовать постоянно и не сможет зажить.

А сейчас он уже не может избавиться от магических узоров.

— Как жаль. — произнёс Чэнь Хэ, и в его тоне сквозила тень сожаления, словно он действительно жалел о его внешности.

Услышав это, Цзи Ханьсюэ наконец полностью успокоился. То, что он сказал «жаль», означало, что котёнку на самом деле всё равно, и он рассмеялся:

— Раз Ахэ не гнушается, значит, не жаль.

— Но я всё-таки немного гнушаюсь... — Чэнь Хэ потрогал маску на его лице, и в его тоне появилась доля деспотичности.

— Что ж, тогда придётся потерпеть?